

Календарь в культуре народов мира. М., 1993, 272 с.

В предисловии к сборнику С.Я. Серов пишет: «Человек не просто замечал, что происходит вокруг, но все более точно измерял свою среду и оформлял знание в обрядовых жестах и адекватных терминах... Само время воспринималось как нечто аналогичное, а возможно, и равносущное пространству... повсеместен принцип измерения пространства временем. Длина пути измерялась часами или днями... Но и пространственным соотношением элементов календарей... определялось измерение времени, по мнению Б.А. Фролова, еще с палеолита. Последний прием не изменился и до сего дня: соотношение делений циферблата и стрелок, положение светил на небе позволяет считать отрезки времени от секунд до многолетних циклов» (С. 3–4).

Главная идея сборника резюмируется словами:

«Календарь является не только способом измерять время, он и система меры, деноминатор... пространства данной культуры. Его можно рассматривать не только в формальном аспекте – генеалогически, по принципу организации, но и необходимо обратить внимание на содержание каждого из отрезков того либо иного календаря. То, чем заполнены отдельные месяцы, сезоны, годы календаря или календарей отдельной культуры, степень их сакрализации и т.п. составляют объект изучения этнографии. Именно этнокультурную сторону проблемы и стремились представить авторы... данного сборника» (С. 6).

Первые две статьи сборника (Б.А. Фролов и В.Е. Ларичев) посвящены проблемам генезиса календаря, три последующие (М.Ф. Альбедиль, В.Г. Власов, Е.А. Шервуд) – календарям индоевропейских народов, четыре других (А.Р. Садокова, А.А. Бернова, Н.Л. Жуковская, Ю.Б. Симченко в соавт. с А.В. Смоляк и З.П. Соколовой) – календарным системам японцев, индонезийцев, монголов и народов Сибири. В теоретическом отношении выделяются первые три статьи, на которые мы обратим особое внимание.

Б.А. Фролов в статье «Происхождение календарей» указывает, что предпосылками для возникновения календаря были «метрологические» достижения в области техники изготовления каменных орудий и способов поддержания огня, с одной стороны, и техники фиксирования информации о жизненно важных биоритмах и циклах природной среды – с другой. Особо отмечается роль годового, месячного, недельного и суточного ритмов жизни на Земле. Фиксация «магической» семерки в графических символах позднего палеолита объясняется важностью ритмов с периодом 7 ± 3 суток.

Объяснение данной календарной константы одними лишь циклами Луны едва ли можно признать исчерпывающим. В книге А.Л. Чижевского «Земное эхо солнечных бурь» описывается 7-дневный цикл усиленного размножения бактерий в организме человека, от которого зависит состояние здоровья и самочувствие. Оказывается, усиленный рост болезнетворных бактерий занимает $1/7$ часть всего времени, тогда как в оставшиеся $6/7$ частей времени микробы размножаются медленнее, ниже среднего. Эта «библейская» пропорция соответствует среднестатистической концентрации пятен на Солнце, тогда как от площади пятен зависит длительность интервала усиленного роста бактерий. Из этих интервалов наиболее часто встречается период в 1 сутки, все прочие периоды активности микроорганизмов образуют с ним геометрическую прогрессию: 1–2–4–8..., т.е. квантуются по принципу квантования периодов главной гармонике звучащей струны. Чем длиннее такой период, тем реже он встречается. Потому чаще всего реализуется процесс недельного цикла усиленного роста, в котором 6 дней микробы «отдыхают», а человек должен работать, тогда как на 7-й день, наоборот, болезнетворные бактерии усиленно размножаются, а человек должен отдыхать и лечиться. Этот процесс синхронизирован с явлением последовательной смены лунных фаз, однако его причиной является не Луна, а Солнце, «работающее» подобно генератору синхроимпульсов строчной развертки в телевизоре, т.е. подобно блокинг-генератору.

Многие другие «святые» пропорции также объясняются как цикличностью Луны, так и Солнца. Например 13:10 обычно рассматривается как символ лунного календаря при беременности, однако та же пропорция обнаруживается в дендрохронологии как отношение максимального и минимального значений 11-летнего цикла. Абсолютные пределы этого же цикла образуют пропорцию 17:7. Этим обстоятельством можно объяснить особое почитание в древних культурах наряду с семеркой чисел 10, 13 и 17. Этот факт невозможно объяснить одними лишь лунными циклами.

Перспективной и плодотворной представляется мысль Б.А. Фролова об определяющей роли техники измерений и вычислений как в процессе функционирования календаря, так и в реализации механизмов взаимодействия календарной службы со всей системой культуры.

Анализу техники древнейших календарей как памятников метрологической культуры позднего палеолита преимущественно отводится первое место в статье В.Е. Ларичева «Лунные и солнечные календари древнекаменного века». Здесь подробно анализируются наиболее изученные автором артефакты и календари: трехлетний лунный календарь в структуре орнамента на поверхности фаллического жезла Ачинского поселения, годовой солнечный календарь в структуре ожерелья с подвесками из мальтийского погребения и комплексная лунно-солнечная календарная система

многолетнего счисления времени в структуре мальтийской пластины из бивня мамонта. Новым является вывод автора о том, что метрологическая культура палеолита не ограничивалась уровнем «народной» метрологии, но определялась по существу достижениями в области узко специализированной, сугубо профессиональной деятельности особого круга людей, которые обеспечивали функционирование аналога современной службы времени и даже всей системы метрологической службы. «Судя по всему, роль календаря в палеолите не ограничивалась лишь тривиальной функцией повседневного счетчика времени для определения моментов наступления или окончания сезонов, с которыми строго связывалась хозяйственная деятельность сообщества охотников и собирателей древнекаменного века. Календарные проблемы, требующие для своего разрешения неустанных, с применением особых методических приемов наблюдений за небесными явлениями и разработки подходящего инструментария, простого, но надежного и точного, стали, очевидно, к периоду расцвета верхнего палеолита специфической сферой занятий отдельных представителей первобытного коллектива... Это были, несомненно, представители настоящего "мозгового центра культуры", в котором решались задачи значительной сложности – надежного обеспечения выживания сообщества» (с. 68).

Статья М.Ф. Альбедиль «Протоиндийское "колесо времени"» (С. 70–101) интересна для нас прежде всего тем, что проливает свет на истоки древнеславянской метрологической культуры. Действительно, «колесо времени» в форме шестилепестковой розетки было отличительным символом духовной культуры древних славян, эмблемой бога Рода, символом света и правды. Это обстоятельство подробно описано в трудах Б.А. Рыбакова, посвященных исследованию языка древних славян и культуры Древней Руси. Автор констатирует, что протоиндийский знак «колеса времени», тождественный по форме древнеславянскому «громовому знаку» и античному «колесу Юпитера», в эпоху энеолита фактически означал годовой цикл. С помощью этого цикла обозначались также многолетние циклы: 3-, 6- и 12-летних. Самый большой из этих циклов соответствует резонансу синодических периодов Юпитера и Солнца: «...12 солнечных лет приблизительно равны 11 синодическим периодам Юпитера. 11 раз в 12 лет Юпитер можно наблюдать в одной и той же точке эклиптики. В этом цикле получается полный изоморфизм году: каждому месяцу года соответствовал один из годов Юпитера. Годы 12-летнего цикла имели те же символы, что и месяцы 6-сезонного года: 12 зверей, изображенных на печатях, и 12 растительных символов...» (С. 93).

Почитаемый в протоиндийской культуре 5-летний цикл изображался в культуре новгородских славян золотым амулетом в виде пентагональной фигуры змеи, кусающей собственный хвост, в вершинах фигуры находилось пять ромбов, символизовавших свет, солнце и правду. Произведением от умножения 5-летнего и 12-летнего цикла являлся «сезон богов» – 60-летний цикл. Цикл из шести таких «сезонов», который мог символизироваться все тем же «громовым знаком», назывался «годом богов» и равнялся 360 годам. Древнейшие фиксации этого «года богов» известны в графике позднего палеолита, где он записывался как 120×3, или 3×120, а также в виде совокупности из 24 циклов по 15 лет. Использование соответствующих символов для определения структуры циферблата часов закрепилось окончательно в делении суток на 24 часа, а года – на 24 «луны».

Роль календаря в харрапской культуре резюмируется так: «...календарь с его сводом необходимых сведений был "ответствен" за свой участок культурного пространства, где он генерировал, «штамповал» стандарты восприятия времени у носителей харрапской цивилизации, пропуская их через заданные культурные формы. С этой функцией календаря связано и другое существенное значение его как феномена культуры, а именно быть аккумулятором и транслятором запаса сведений о временных представлениях, необходимых для нормального функционирования коллектива. Иными словами, календарь был хранителем социальной памяти коллектива» (С. 96).

Указанное значение календаря обусловило его обожествление в древнейших системах религии. Данный аспект проблемы специально рассматривается в заключительной статье сборника – в работе А.Н. Зелинского «Литургический круг христианского календаря» (С. 254–269). Здесь четко констатируется: «Религиозные культы всех древнейших цивилизаций были связаны с сакрализацией времени и являлись священнодействием, к руководству которым допускался лишь избранный круг священнослужителей... Всесильная власть придавалась обожествленному Хроносу, олицетворявшему «бесконечное время»... в орфических таинствах древних греков, а у персов, в позднем реформированном зороастризме еще большая роль отводилась Зервану – андрогинному принципу "безначального времени"... рождаящему ... Добро и ... Зло, смертельный поединок между которыми длится до конца времен» (С. 254).

Подводя итог нашего краткого обзора, отметим, что рецензируемая книга, – существенный импульс для понимания роли календаря как организующего фактора в системе традиционной культуры. Вместе с тем в рассмотренной работе убедительно продемонстрирована важность использования междисциплинарного подхода для анализа традиционной этнической культуры.

М.Л. Кардозо Фернандес